

Когда Лю Мухань снова пришел в себя, им овладело странное чувство, будто он полностью потерял счет времени.

Тело после болезни налилось свинцовой тяжестью, но мысли оставались на удивление ясными, а по жилам разливалось робкое, непривычное тепло.

Он медленно открыл глаза, но то, что предстало перед взором, заставило его застыть от изумления.

Кое-как поднявшись на локтях, Мухань огляделся. Повсюду клубился плотный, непроницаемый туман, и лишь крошечный пятачок земли под ним оставался чистым и ясным.

Он помнил...

Но в мгновение ока картина перед глазами резко переменялась.

«Это... та самая яма-ловушка?»

Мухань коснулся шершавой стены. После вечернего ливня земля отсырела, и от легкого прикосновения к ладони прилипла мокрая, холодная глина.

Сомнений не было — это та самая яма в лесу, куда он провалился. Помнил отчетливо, как терял здесь сознание. Но куда же тогда он попал мгновением ранее?

Юноша нахмурился, силясь воскресить в памяти очертания того загадочного, окутанного туманом уголка.

Стоило ему лишь пожелать, как пространство вокруг снова неуловимо дрогнуло.

Пронизывающая лесная сырость мгновенно отступила, сменившись мягким, ласкающим кожу теплом.

Тень, так долго терзавшая его душу, бесследно растаяла.

Ему больше не нужно было оглядываться на внешний мир, гадать, примет ли его кто-то или оттолкнет, и до дрожи бояться, что идти ему некуда.

У него наконец-то появился дом. Настоящий, собственный приют.

Прижав ладонь к груди, Мухань чувствовал, как бешено, ликующе колотится сердце. Вне себя от восторга он закружился на месте, упиваясь долгожданным покоем и тихим, щемящим

счастьем.

Голова закружилась, и он, не удержавшись на ногах, повалился в мягкую траву.

Лежа на спине и чувствуя, как покачивается перед глазами туманный свод, он обхватил себя руками за плечи и счастливо, по-детски глупо рассмеялся.

— Второй молодой господин!..

— Второй молодой господин, где вы?

— Второй молодой господин!

Эти голоса, глухо доносившиеся будто бы сквозь толщу воды, заставили Муханя вздрогнуть. Он инстинктивно попытался сжаться, спрятаться — и в то же мгновение снова очутился на дне сырой ловушки.

Изнуряющий жар, слабость и лавина нахлынувших чувств лишили его последних сил. Он не успел издать ни звука — сознание вновь милосердно угасло.

В следующий раз Лю Мухань очнулся уже в постели.

Он медленно открыл глаза. Потолок над головой показался знакомым — покосившиеся, закопченные балки старой дровяни. Сквозь щели в рассохшихся ставнях пробивались бледные косые лучи, мягко согревая его лицо.

Пожалуй, впервые в жизни пробуждение не принесло ему привычного озноба.

Мухань прикрыл ладонью глаза, зажмурился...

...и мгновенно перенесся назад, в тихое, согретое невидимым солнцем убежище.

Словно из глубины души всплыло неброское, но емкое слово — Пространство.

Он попробовал еще раз, потом еще — то возвращаясь в убогую дровяную пристройку, то уходя обратно в туманную тишину. Осознание того, что это чудо подвластно его воле, наполнило грудь такой щемящей радостью, какой он не знал за все свои недолгие годы.

Насладившись этим чувством, Мухань долго лежал неподвижно. Тени на полу дровяни начали медленно удлиняться. Понимая, что день клонится к закату, он превозмог слабость и сел на соломенном тюфяке.

Первое, на что натолкнулся взгляд, был его дорожный узелок, небрежно брошенный на колченогом столе. Рядом сиротливо громоздились глиняные осколки.

Все его склянки и целебные мази были разбиты.

«Разбиты... Все до единой»

Мухань бессильно прикрыл веки, и горячая слеза скатилась по его бледной щеке.

«Мне следовало догадаться... С самого начала надо было понять»

«Не пойдя я за Ван Тянем, ничего бы не случилось. Я сам во всем виноват. Поверил первому встречному, как последний дурак...»

Наконец он заставил себя открыть глаза. Опершись о край топчана, он нетвердо встал на ноги. Сделав два шага — колени предательски подогнулись, он покачнувшись, налетел на тяжелый табурет и вместе с ним с грохотом повалился на грязный пол.

Дверь дровяни со скрипом распахнулась, и на пороге торопливо выросла грузная фигура.

— Второй молодой господин!

Это был старый дядя Ван.

При виде распростертого на полу мальчика в душе старика шевельнулась запоздалая жалость. Тяжело вздохнув, он бережно поднял Муханя, свободной рукой легко вернул табурет на место и усадил на него замерзшего юношу.

— Простите, второй молодой господин... Вчера мой паршивец совсем стыд потерял, обошелся с вами непотребно. Слава богам, вы живы-здоровы остались.

Старик говорил виновато, но Мухань прекрасно понимал: наказывать родную кровь ради чужого приемыша дядя Ван не станет. Закончив разглагольствовать, тот замер, выжидаяще глядя на юношу.

Обида тугим комком сдавила горло. Не желая проронить ни слова, Мухань отвернулся и принялся дрожащими пальцами бережно собирать с грубого стола уцелевшие крохи разбитых

флаконов.

У него не оставалось сомнений: к гибели его нехитрого сокровища приложил руку все тот же Ван Тянь.

Этот негодяй, снедаемый праздным любопытством, залез в чужой узелок, надеясь поживиться чем-то ценным. А когда обнаружил там лишь грошовые лекарственные склянки, с досады переколотил их одну за другой.

Дядя Ван прекрасно знал, чьих это рук дело. Накануне он сам заметил, как внук шмыгнул со двора, припорошенный каким-то белым порошком. Заглянув в дровяню, старик сразу все понял и, только кряхтя да охая, убрал осколки с пола, пытаясь скрыть следы бесчинства.

Лишь закончив уборку, он спохватился, что самого Муханя и след простыл.

Вчера лило как из ведра. Мальчишка, впервые оказавшийся в здешних краях, едва ли решился бы на побег, поэтому старик рассудил, что тот просто укрылся где-то от непогоды. Он кликнул соседей, побродил по окрестностям, но поиски ни к чему не привели.

И только когда дядя Ван заприметил на внуке добротную куртку Муханя и прижал сорванца к стене, тот сквозь зубы сознался, куда завел гостя. Лишь тогда старик собрал людей и отправился к лесной яме.

Кто же знал, что в первый же день на новом месте мальчик столкнется с такой низостью. Чувствуя укол совести, старик покосился на сиротливые черепки и примирительно пробормотал:

— Да ладно тебе горевать, сынок... Снадобье-то копеечное, обычная мазь от ран. Завтра же выберусь в город и куплю тебе новую, еще лучше прежней.

Мухань промолчал. Сложил уцелевшие осколки обратно в узелок, туго затянул узел и, прижав драгоценную ношу к груди, лег щекой на холодную столешницу. Он медленно прикрыл глаза.

Поняв, что заслужить прощение пустой болтовней не удастся, дядя Ван лишь виновато крякнул и понуро поплелся к выходу.

В сенях на низком табурете сидела старуха Ван. Прищулив подслеповатые глаза, она неприязненно процедила:

— Куда это ты собрался?

— Надо бы взять пять лянов серебра, — вполголоса ответил муж. — Мальчишке лекарства

нужны. Да и одежонку бы какую справить, одеяло потеплее...

Старуха ядовито усмехнулась и сплюнула под ноги:

— Ишь чего удумал! Лекарства ему подавай! Обычную простуду подхватил, не околеет. И не смей мне зубы заговаривать своим Орденом Свободного скитания! Сдали они этого щенка с рук на руки — значит, и дела им до него нет, пускай хоть сдохнет. Пять лянов серебра! Легко же ты чужим добром разбрасываешься. Или забыл, что ты больше не личный прислужник великого Главы ордена Лю, а такой же нищий, как все мы?

Дядя Ван болезненно поморщился. Слово «прислужник» резануло слух, но он лишь слабо возразил:

— Не прислужник я был... а почтенный адепт ордена.

Старуха лишь презрительно фыркнула:

— Раз уж эти деньги у меня, обратно ты их не получишь. И не надейся.

Старик стиснул кулаки, но перечить властной жене не решился. Сдержав обиду, он молча отвернулся и вышел во двор.

Однако нужда заставила его вскоре вернуться. Снова представ перед женой, он угрюмо пробормотал:

— А-Тянь забрал его куртку. На улице не май месяц, а парень в одном исподнем мается. Если он от лихорадки копыта отбросит, беды не оберемся. Орден, может, карать нас и не станет, но вот серебро на его содержание присылать точно перестанет. И как мы тогда...

Старуха сперва хотела отмахнуться, но упоминание серебряных поступлений заставило ее призадуматься.

Смерть чужого мальчишки ее не заботила, но потерять постоянный источник дохода из Ордена Свободного скитания было бы верхом глупости.

Покряхтывая, она ушла вглубь дома и через пару минут вынесла охапку заношенного тряпья. Неохотно протянув старые, протертые до дыр обноски внука, она строго наказала:

— На, отдай ему. Да растолкуй по-человечески, чтобы ценил заботу. Не будь нас, давно бы уже псам под забором кости оставил. Пускай помнит нашу доброту.

— Твоя правда, мать, все верно говоришь, — угодливо закивал старик.

Забрав тряпье, дядя Ван торопливо вернулся в дровяню. Постояв на пороге, он со вздохом покачал головой, глядя на неподвижную фигурку мальчика.

«Эх, знатный барчук, второй молодой господин великого ордена... И надо же было так низко пасть, оказаться выброшенным в эту глушь. Останься он в Свободном скитании, разве хлебнул бы столько горя?»

Постояв еще немного, дядя Ван подошел ближе и набросил грубую куртку на плечи Муханя. Подросток не шевельнулся. Старик тихо вздохнул и на цыпочках вышел наружу, плотно притворив за собой тяжелую дверь.

«Бог даст, выкарабкается»

Стоило защелке на двери глухо звякнуть, как Лю Мухань медленно открыл глаза.

На самом деле его состояние было вовсе не таким плачевным, как показалось старому слуге.

Разве могла легкая простуда сравниться с теми пытками, что он изо дня в день терпел в Ордене Свободного скитания? Напротив, на душе у него было легко и даже как-то торжествующе.

Убедившись, что во дворе все затихло, юноша мысленно воззвал к обретенному убежищу. Миг — и убогая холодная каморка растаяла, уступив место благодатному теплу Пространства. Здесь, окутанный ласковым туманом, он мгновенно погрузился в глубокий, безмятежный сон.

Он уже и позабыл, каково это — засыпать без пронизывающего до костей зимнего холода. И лишь теперь, согретый невидимым очагом, он наконец ощутил себя в полной безопасности.

То был самый глубокий и спокойный сон за последние два года его безрадостного существования.

Мухань проснулся сам, без грубых пинков и окриков, когда тело полностью отдохнуло.

Былая вялость бесследно улетучилась — молодой, крепкий организм шутя справился с лесной простудой.

Оглядевшись, он с удивлением обнаружил, что его дорожный узелок, давеча оставленный на столе, теперь лежал здесь же, рядом с ним.

Он осторожно прижал узелок к груди. Сквозь грубую ткань ладонь слегка укололи острые края разбитых флаконов. Мухань впервые за долгое время слабо, но искренне улыбнулся.

— Теперь ты останешься здесь, — тихо прошептал он, поглаживая сверток. — Это мой дом. И твой тоже. Здесь никто и никогда тебя больше не тронет.

<http://bllate.org/book/18166/1746688>